

Полдень пробил барабанный бой, и Коушун устало откинулся на спинку кресла. Все дела, касающиеся внутреннего двора, были завершены. Чиновники, прибывшие во дворец еще до рассвета, спешили к своим домам. — Ваше величество, — прошептал ему на ухо Ун, заведующий Дворцом императорской прислуги, когда Коушун уже собирался покинуть комнату. Ун, с роскошной седой бородой, в прошлом был главным наставником кронпринца и верным соратником Коушуна, когда тот был еще юн. — Во дворце Тейруи беспокойно. Дворец Тейруи принадлежал вдовствующей императрице. — ...Понял. Мейн, — Коушун позвал к себе интеллигентного мужчину лет сорока. — Что там с денежным оборотом? — На данный момент не зафиксировано никаких подозрительных операций. — Ответил Мейн, главный имперский ученый, также занимавший пост чиновника в Министерстве финансов, которое отвечало за государственные финансы. — Однако, скорее всего, существуют скрытые ресурсы. В конце концов, она с невероятной скоростью раздает звания. Вдовствующая императрица, злоупотребляя своим положением, продавала государственные должности. Конфискованные деньги не соответствовали предполагаемой сумме. — Как мы и предполагали, ключ — передвижения евнухов. Заведующий Дворцом императорской прислуги кивнул, когда все взгляды обратились к нему. — Понял, ваше величество. Вдовствующая императрица не смирилась с ролью затворницы в собственном дворце. Она, то ли соблазном, то ли угрозами, добилась от предыдущего императора того, что вместе со своими родственниками захватила огромную власть, а затем вынудила Коушуна отказаться от титула кронпринца. Похоже, кто-то из евнухов до сих пор был связан с ней. — Она так и не смогла оценить ваше великодушие. Ун вздохнул, погладил бороду, и, после того как они разработали план действий, покинул комнату. Коушун взял с собой Эйсея во внутренний двор, во дворец императора. Хотя работа во внутреннем дворе была завершена, у него оставались дела. Много дел. «Я пощадил вдовствующую императрицу не из-за доброты», — размышлял Коушун, сидя в раскачивающемся паланкине, который вез его через внутренний двор. Он возглавлял Запретную армию, когда та штурмовала дворец вдовствующей императрицы, но не снес ей голову, потому что у него не было для этого достаточных оснований. Казнь могущественной императрицы вызвала бы волну негативной реакции. За один шаг власть не захватить. С тех пор Коушун, словно убирая камень за камнем, неуклонно и твердо укреплял свою власть во дворце. Вот почему теперь он мог ее казнить. Стоило ему только пожелать, и они могли бы сфабриковать дело и отправить императрицу на плаху. Как поступала она сама в прошлом. Вот что такое власть. Но Коушун этого не делал. Он хотел наказать ее, основываясь на неопровержимых доказательствах. — ...Коушун посмотрел вперед. Перед ним была усадьба Гёко, где он жил, его главная резиденция в прошлом. Далеко-далеко от нее, так, что отсюда не разглядеть, стоял дворец Гёсо. Он был заброшен уже давно, изветшал, крыша сгнила, а стены почернели от плесени. В тринадцать лет Коушуна лишили титула кронпринца и отправили туда из Восточного дворца. С тех пор и до того момента, как в восемнадцать лет он не вошел во дворец императрицы и не был восстановлен в звании кронпринца, Коушун жил в нищете, каждый день беспокоясь о том, чтобы найти пропитание. Неизвестно, что было бы, не будь у него Эйсея и помощников, которые втайне его поддерживали. Его мать, Ша Ши, убили еще до того, как он потерял место кронпринца. Ее отравили. Императрица приказала одному из своих евнухов подставить служанку матери, и ту быстро казнили. Однако явных доказательств того, что руку к этому приложила императрица, не осталось. «Если я убью ее без особых улик, то буду ничем не лучше ее». Если он приложит усилия, чтобы все шло так, как он задумал, то она в итоге потерпит поражение. Но он не хотел идти по стопам вдовствующей императрицы. Он хотел, чтобы улики были неопровержимыми, чтобы они были и законными, и подтвержденными логикой. Он желал этого до такой степени, что почти осязал это. Кто-то отзывался о Коушуне как о хладнокровном человеке. Он не поддавался эмоциям и читил законы. Кто-то говорил, что он сострадательный. Но Коушун считал, что все они заблуждались. Ведь никто не знал о ярости, бушевавшей в его груди. «Как же мне хочется ее убить». Комнату в усадьбе Гёко заполнил аромат чая. Эйсей заваривал чай, поставив чайник на зажженную

плиту. Он насыпал немного соли в воду из серебряной солонки. Его плавные движения завораживали. Эйсей налил горячий чай в чашку и осторожно поставил ее перед Коушуну. — Ваш чай, повелитель. Коушун поднес чашку ко рту, от нее шел легкий пар и отчетливый аромат. Он проглотил его, и оказалось, что у чая мягкий вкус. В желудке разлилось тепло. Напряжение постепенно ушло из тела. — И все же твой чай самый вкусный. Когда Коушун сказал это, Эйсей довольно сощурил глаза. — Благодарю вас. Коушун наткнулся на этого евнуха, когда ему было десять, и тут же сделал его своим слугой и личным помощником. Пожалуй, Эйсей лучше всех знает предпочтения и мысли Коушуна. — ...Как все прошло? — спросил он, не углубляясь в подробности. Перестраховка на случай, если снаружи кто-то подслушивает. Эйсей сразу все понял. — Османтус — символ клана Ю, — кратко ответил Эйсей. Коушун поручил ему выяснить происхождение метки на запястье Дзюсэцу. — Раз это клеймо, значит, она, скорее всего, была их домашним рабом. — Да. Коушун молчал. Этот синяк, выглядевший на коже как ожог, оказался шрамом от клейма. Дома, которые покупали рабов, клеймили их, как домашний скот. Дзюсэцу была рабом клана Ю. — А клан Ю? — — Сейчас их глава — низкоранговый чиновник. Несколько поколений назад у них был человек, который служил помощником министра в Министерстве кадров, но с тех пор никто из них не мог сдать экзамены. Высокопоставленным чиновником можно было стать, лишь сдав экзамены. Было много знатных семей, которые споткнулись об это. — Их репутация оставляет желать лучшего. И финансовое положение не соответствует занимаемой должности. Ходят слухи, что они вымогают взятки и занимаются нелегальной торговлей солью. Еще, похоже, они плохо обращаются со слугами. Ее продали им в четыре года. Коушун нахмурился. В таком-то возрасте... — Однако мне не удалось выяснить никакой информации о ее прошлом до этого момента. Не ясно даже, какой торговец ее продал. Рабом можно было стать по нескольким причинам. Судьба могла свести человека с низов, с обедневшим крестьянином, с представителем знатного, но разорившегося рода, и сделать его рабом. Глядя на Дзюсэцу, Коушун не удивился бы, узнав, что она — богатая принцесса из далекой страны. — Не думаю, что это хорошая идея — связываться с кем-то, у кого темное прошлое, — проговорил Эйсей, понимая, что Коушун беспокоится. — Я понимаю твои опасения, но нет причин для них. Коушун сжал губы, как он всегда делал, когда был вынужден подчиниться воле Коушуна, но в душе не соглашался с ним. — Похоже, они не знают, зачем я хожу к наложнице-Ворону, и не могут придумать, что делать. Было бы удобнее, если бы Ворон выделялась чем-нибудь среди остальных... — Коушун понизил голос, будто шептал тайну. — Твои подчиненные что-нибудь сказали? Эйсей наклонился к уху Коушуна и прошептал: — Евнухи и придворные дамы пока ничего не предпринимали. Коушун поставил нескольких слуг Эйсея в качестве шпионов на ключевые посты. — ... Если бы они уже зашевелились, было бы проще. Сторонников вдовствующей императрицы подавить было бы легко. Ей было невдомек, что Коушун просто пока не сделал этого. Она все еще верила в свое могущество, которое уже выскользнуло из ее рук. А он забирал ее камешки го, один за другим, загоняя ее в угол и блокируя все пути отступления. Этим он занимался с тех пор, как заточил ее. Он не мог простить женщину, которая так безжалостно убила его мать и друга. Хотя комнату наполнял солнечный свет, казалось, что его самого окутала серая тень. Он чувствовал, словно он гниет изнутри, и что-то иссиня-черное пожирает его, начиная с кончиков пальцев. И он не мог этому помешать. Ненависть и гнев, раздиравшие сердце, заморозили и омертвили его. — Еще совсем чуть-чуть... — прошептал он так тихо, что Эйсей мог услышать его, а мог и не услышать, а затем допил чай.